

ГЛАВА 41

Посреди недели приехала машина с межгорода, привезла товар и загрузилась нашим. Мы сидели втроем в офисе, когда около четырех часов вечера в дверь постучали.

- Да! – гаркнул Сергей из-за стола, и дверь открылась.

- Здравствуйте, я загрузился, на складе сказали, что документы на дорогу в офисе! – вошел уверенно в комнатку крупный мужчина, принес с собой запах дизеля и табака.

Я сидел у двери, закинув ногу на ногу на манер Сергея. Тот расслабленно сидел в кресле. Появление водителя не заставило никого из обоих активизироваться. Лишь Вера подскочила, схватила заготовленные накладные и начала их просматривать.

- Сerez, надо поставить печать и подписать! – сказала она, протянула документы мужу. Тот нехотя подался вперед, навалился локтями на стол, взял печать, два раза вяло ей стукнул по бумагам и протянул документы водителю.

«Подпись не поставил, - зачем-то отметил я мысленно. – Интересно, он раньше тоже не расписывался? Да нет, вроде расписывался... Или не всегда расписывался...?»

- И подпись еще поставьте! – пробасил водитель непререкаемым тоном.

«Молодец водила», - вновь отметил я, ухмыльнулся про себя и вцепился в лицо Сергея внимательным взглядом. Оно тут же изменилось на недовольное и... и что-то еще, едва уловимое перепелось в чертах его лица с недовольством. Отрешенно не меняя позы я продолжил внимательно следить за событиями. Сергей нервным движением руки вернул накладные себе, демонстративно небрежным росчерком поставил подпись и раздраженно отпихнул по столу накладные в сторону водителя.

- Вот теперь порядок! – отчеканил тот, глянул на Сергея, распрощался и вышел.

Я заново прокрутил сценку в памяти. Сомнения улетучились почти полностью – я давал 99,9%, что водитель раскусил Сергея. В чем? В том, в чем неосознанно подозревал напарника мой мозг, и что я только осознал – Сергей специально не хотел ставить подпись на этих накладных. Хм? Я задумался. Зачем? Я понимал, что эта бартерная операция шла мимо налоговой – получается, напарник не хотел подставлять через подпись свою фигуру. Выглядело неубедительно. «Ведь при налоговой проверке, фирма все равно не отвертится от своих уловок. Странно.» - подумал я и полез в память в поиске подобных случаев.

9 ноября Сергей вернулся в офис к двум часам дня.

- Роман, ты все, уже за квартиру рассчитался или еще нет? – спросил он, переведя дыхание и закончив диктовать жене суммы, полученные им в паре оптовых баз.

Я сказал, что осталось всего семь метров. Сергей предложил поделить имеющуюся наличку, я согласился. Мы выписали себе очередную «премию» и уехали с работы в пять. Через полчаса я был уже в офисе строительной компании и внес последнюю сумму денег за квартиру. Бухгалтер выдала главный документ – акт о полной оплате квартиры. Домой я не шел, а парил. Ощущение, что со мной продолжает происходить некое необъяснимое чудо, не покидало меня. Я, как слепой котенок, полагавшийся лишь на свою интуицию и всячески к ней прислушиваясь, рискнул – отнес все наши с отцом шестилетние заработки в долевое строительство, и риск обратился огромной удачей. Я забежал домой и тут же с порога выдал новость отцу. Тот буркнул «ну, хорошо» и ушел курить на балкон. Мать, услышав звуки моего появления, тенью вышла из своей комнаты и появилась на кухне. Я сидел за столом и ужинал. Смотреть на мать было совестливо и страшно. Она сильно

опустилась внешне, будто состарилась лет на десять и выглядела на все шестьдесят. Постоянное пребывание в агрессивно-депрессивном состоянии делало свое дело – мать потухала на глазах. Ее наполовину седые волосы отросли ниже плеч, против привычной короткой стрижки это смотрелось дико. Кожа, от нехватки солнечного света, стала вялой и блеклой. На щеках образовались глубокие складки, подчеркнув одутловатую дряблость кожи. Мать была одета во что попало, не следила за собой вовсе, как бывает с людьми, утратившими связь с окружающим миром. Глаза ее говорили именно об этом – пустые, безжизненные, полные боли. Они стекленели и тускнели с каждым днем все больше. Я все чаще гнал от себя плохие мысли, навязчиво лезшие в голову. «Мать долго не протянет», - думал я, содрогаясь при осознании их. И именно поэтому я совестливо не мог смотреть в такие глаза – я ощущал свою беспомощность. Все мои робкие попытки наладить контакт с матерью натыкались на шквал агрессии и отборного мата. На мою голову, не сдерживаясь, выливались все проклятия, какие только можно было придумать в контексте нашей семьи – я значился в глазах матери отцовским холуем, папенькиным сыночком, пристроившимся ради своего блага к более сильному родителю и трусом, бросившим мать подыхать. Моё сочувствие матери и желание помочь сметались ее агрессией начисто, освобождая место встречной злости и ненависти. Это был абсолютный тупик. После нескольких попыток наладить отношение с матерью и как-то вернуть ее к нормальной жизни, я понял одно – надо оставить ее в покое и надеяться на лучшее. В короткие часы моего пребывания дома отцу доставалось тоже. Мать поливала его матом, обзывая жлобом, колхозником, мудаком и трусом. Отец терпел нападки молча, иногда улыбаясь в ответ, чем вмиг доводил мать до белого каления. Иногда отец не выдерживал и отвечал словесно, словно подкидывал дров в костер материнской злобы, который тут же вспыхивал, и ругательства на голову отца лились еще с большим бешенством. То, что у матери начались проблемы с психикой, мог понять любой человек в здравом уме.

- Что, все... расплатился за квартиру? – войдя, буркнула агрессивно мать.

- Да, все, расплатился полностью... – сказал я, ожидая начала нападок.

- Ну вот теперь, наконец, съедешь в свою квартиру и живи там! – произнесла мать, насыпая дергающейся в руках ложкой кофе в чашку, не мытую уже пару недель и оттого бывшую всю в липких кофейных потеках.

- Буду жить там, - нарочито нейтрально сказал я, зная по опыту, как чувствительна мать к любой другой интонации.

- Вот и молодец, нечего сидеть на шее родителей! Заселяйся, женись, только оставь меня в покое! – произнесла та с хорошо знакомой эмоцией, за которой обычно следовал срыв на крик и истерику.

- А я тебя и так не трогаю... – аккуратно выдал я.

- Да конечно, не трогаешь... – мать налила в чашку кипятка и начала помешивать ложкой напиток. – Ни ты, ни твой папаня! Хорошо оно, против матери-то вдвоем, да!?

Маховик истерики запустился. Я приготовился терпеть.

- Да никто против тебя ничего не делает, ма, - сказал я, стараясь не встречаться с испепеляющим злобой взглядом матери.

- Конечно, не делаете! Только и ждете... ты, да твой любимый папаня, что я сдохну! Вот вам!! Видел!! – сунула мать дулю почти мне в лицо. – Хер вам я сдохну!! Понял, ты!!?

Я молчал. Мать, постояв несколько секунд так, качаясь из стороны в сторону то ли от напряжения, то ли от слабости, развернулась и побрела в комнату. Аппетит пропал. Я

ковырялся вилкой в тарелке и думал, что если и существует ад на земле, то он именно в нашей квартире. И где-то вдали, на расстоянии года для меня мерцал маленький огонек света – своя квартиры. «Дотерпи один год и все, - думал я, - получишь квартиру, сделаешь ремонт, переедешь и все забудешь. А там, глядишь, и все наладится». И я думал о том, что мать и отец уже не уживутся вместе, что разъехаться надо и им, всем нужно разъехаться, чтоб потом жизнь сама определила, как семье быть дальше. Я, будто для спасения своего душевного равновесия, нарисовал в голове некую счастливую картинку из будущего – я и Наташа, счастливо живем в моей квартире и впереди только прекрасное. Я глянул на часы – пора было идти встречать ее после работы. Я натянул куртку и вышел из дома.

В полдесятого я вошел в павильон. Завидев меня, Наташа улыбнулась мне, и я тут же почувствовал, как ощущение проблем в наших отношениях вернулось в мою душу.

- Все, сегодня отдал последние деньги за квартиру, - поделился я радостью.

- Все!?!? Последние!?!? Теперь квартира твоя!? – восторженно расплылась в своей шикарной улыбке Наташа и, едва я утвердительно кивнул, захлопала в ладоши. – Ура!

Мы обнялись. Я улыбнулся, но внутри меня зазвенел тревожный колокольчик – я всматривался в глаза Наташи, а та продолжала их прятала от меня. Я сел на стул и был рад естественной передышке – Наташе надо было готовиться к закрытию, и она вернулась к работе. Я погрузился в мысли, изредка перебрасываясь с девушкой короткими фразами.

- Мне кажется, в наших отношениях какой-то застой, - оказавшись рядом со мной и опершись коленом на соседний стул, произнесла Наташа. Я вышел из раздумья.

- Ты так думаешь? – посмотрел я на нее, понимая прекрасно, что так думаю и я.

- Да, мы последнее время как-то реже встречаемся, бываем вместе... – добавила Наташа спокойным тоном и тут же отвлеклась на что-то по работе. Я остался один в углу павильона на стуле. Было о чем подумать. Наши отношения и вправду застряли в точке безразличия. Я гнал от себя самую очевидную мысль, но она вновь и вновь липла к мозгам – мы оба остыли друг к другу, так и не разгоревшись.

- Знаешь, я подумал... – начал я, цепляясь за отношения. – Я понимаю, ждать долго пока квартира достроится, еще год, потом ремонт... в общем... я подумал, мы можем снять квартиру и начать жить вместе. Поживем год на съемной, а потом переедем уже в мою...?

Я произнес фразу с неким трудом, но при этом твердо, приняв для себя решение.

- Да нет, я думаю, это совсем ничего не решит, - сказала Наташа спокойно, мотнула головой и принялась мять пальцами обивку спинки кресла.

Меня как холодом обдало. Я понял, что пути преодоления застоя в отношениях я и Наташа выбрали диаметрально разные. И сразу стало легче. Словно что-то самому себе навязанное и записанное в важное вдруг разом отвалилось за простой ненадобностью.

- Ну... если ты так думаешь, тогда пусть будет все как есть... – выдавил из себя я, посмотрел на Наташу, улыбнулся. – Подожду тебя на улице... подышу воздухом...

Девушка понуро кивнула и торопливо вернулась к работе. Я вышел на улицу. Прохладный воздух окутал мое лицо, заставив меня поежиться и сунуть руки в карманы джинсов. Я втянул голову в воротник и начал мерить шагами кривую тротуарную плитку. «Может, оно и к лучшему, - думал я, - снова ничего не вышло... отношения завяли... и, что странно, бороться за них и не хочется... а толку бороться одному? Пора уже заканчивать с этим идиотизмом... странно... хотя, что странного? Ни я, ни она друг друга не любили изначально... На что рассчитывал, не понятно...»

Дверь павильона распахнулась. Наташа и еще девушка вышли на улицу, закрыли павильон. Рольставни двери поползли вниз. Наташа стояла подле них и смотрела на меня, я на нее. Жужжание прекратилось, Наташа повернула ключ, вынула его, распрощалась с коллегой, подошла ко мне, произнесла: «Я все».

- Молодец, - улыбнулся я. – Ты завтра работаешь?

- Да, завтра тоже работаю, - сказала она, поеживаясь от осенней зябкости.

- А послезавтра в субботу? – сказал я, понимая, что нам лишь нужно оформить как-то итог отношений, например, честным разговором. Не хотелось вот так... на остановке...

- В субботу выходная...

- Тогда вечером в субботу увидимся? Я позвоню тебе после обеда... – произнес я, ухмыльнулся и заботливо приподнял Наташе воротник пальто повыше.

- Хорошо, звони...

Автобус подошел вовремя, выручив нас от придумывания уже лишних слов. Мы распрощались, Наташа зашла в автобус, я, приподняв воротник повыше, сунув в джинсы руки, обошел автобус сзади и, не оглядываясь, перешел на другую сторону улицы. Дома я открыл ежедневник, записал - «09.11.06 111.720 7м² 60.89м²». Подчеркнул все строчки, написал – «Итого: 885284». Я закрыл ежедневник, лег в кровать и стал думать о том дне, когда мне в голову пришла мысль купить квартиру. Я вспоминал свои ощущения и, уже погружаясь в сон, пришел к ответу – что-то внутри меня, сильное и значимое, приняло за меня это решение и я, лишь слепо и доверительно повинуюсь этому порыву, не прогадал. Я старательно запомнил ощущения того момента, чтоб не пропустить их вновь, и уснул.

В субботу мы встретились с Наташей в центре около шести вечера. Ночная темнота стремительно добивала таявший световой день. Виноватый взгляд Наташи говорил за нее достаточно, подробностей я знать не хотел.

- И как же нам теперь быть? – сказал я, сидя в кафе за столиком напротив Наташи.

– Отношения у нас и вправду застряли... и... как мне кажется... обоих это устраивает...

Наташа молчала и изредка тянула через трубочку молочный коктейль. Я взял их два, себе и ей; свой выпил почти сразу, остатки машинально помешивал трубочкой, лишь бы занять руки и заполнить тишину ответного молчания Наташи. С начала мне казалось, будто она упорствует и настроена враждебно, но после первого тихого «да», я понял, что девушка растеряна и подавлена.

- Да? Что да? – переспросил я спокойно.

- Устраивает, - произнесла Наташа, смотря перед собой вниз и поглядывая на меня лишь робкими урывками.

- И что мы с этим будем делать? – миролюбиво сказал я.

- Не знаю... – тихо произнесла она.

- А кто знает? – сказал я. – Ты же не хочешь жить вместе... Я предложил... Другого способа улучшить наши отношения я не знаю. Ты работаешь много и допоздна, живем мы в разных концах города, а так будем жить вместе, это, я считаю, лучше, чем как сейчас...

- Да... – вновь тихо произнесла Наташа.

- Что – да?

- Лучше...

- Но ты же не хочешь... – произнес я без малейшего обвинения в голосе.

- Не хочу...

- Вот и я о том же... – выдохнул я. Все было ясно. Не хотелось тянуть жилы ни из девушки, ни из себя. Пора было произнести нужное и закончить.

- Ну что... между нами все? – посмотрел я на Наташу.

- Да... – тихо отозвалась та и заплакала.

Только не женские слезы! Я сразу почувствовал себя виноватым во всех смертных грехах. Я представил картину со стороны – здоровенный почти стокилограммовый детина под метр девяносто с суровым выражением лица и хрупкая точеная блондинка чуть выше метра шестидесяти... тихо плачущая. Ну и кто здесь мудака?

- Наташ, ну чего ты плачешь? – произнес я, слова застряли в горле, фраза смялась.

- Не знаю... – прошептала она.

- Ну... не плачь... – сказал я и тяжело вздохнул. – Все будет хорошо... Ну, у нас не получилось... такое случается...

Наташа вытерла слезы, полезла в сумочку и достала оттуда картонную коробочку, протянула ее мне и произнесла: «Это тебе... с днем рождения...»

Я взял, открыл – коричневый дешевый кошелек.

«Рублей за триста куплен на бегу в переходе», - мелькнуло в голове.

- Я тебя тогда не поздравила, не подарила подарок... – вновь пустила слезу Наташа.

Я растерялся. Подарок спустя полгода? Зачем?

- Спасибо, Наташ, мне очень приятно... – выдавил я из себя.

- Угу... – кивнула та, утирая слезы.

Я собрал всю свою неразвитую циничность и надавил этими крохами на жалость, не давая ей сделать глупость – начать тянуть умирающие отношения. Я не раз допускал такую ошибку, и лишь теперь у меня хватило силы воли и разума, не повторить ее снова. Спасло отсутствие любви. «Так будет лучше для обоих», - решил я.

Наташа перестала плакать. Мы допили коктейли и распрощались тут же в кафе. Никакого негатива, мы разошлись тихо. Я знал, что мы еще увидимся. Выйдя на улицу первым, я зашагал энергично, желая скорее набрать между нами физическое расстояние, соответствующее душевному. Как и год назад я шел по проспекту в похожий зябкий вечер поздней осени. В какой-то момент поравнялся с вывеской «Чистое небо» и остановился. Я глядел на входную дверь клуба через дорогу и думал, что именно на этом месте год назад Наташа пробежала мимо как мимолетное видение, и я дал себе шанс на еще одну попытку отношений. Я вдруг засмеялся, мысль показалась мне тонкой шуткой жизни – год назад я безысходно подумал, что никогда не буду иметь отношения с такой шикарной девушкой, и они ту же завязались. И прекратил отношения, по иронии Судьбы, я сам.

Дома, достав из внутреннего кармана куртки подарок, я покрутил его в руках, зайдя в свою комнату, вытянул на себя ящик письменного стола и замер. В ящике лежал черный кошелек – подарок Риты. «Тоже куплен на бегу», - подумал я. Стало обидно. Рита, Наташа – эдакие отношения «на бегу». Я метнул коричневый кошелек к черному и лег спать.

Наступило самое дурацкое время в наших краях – поздняя осень до первого снега. Жутко тягостное время. Я нащупал действенное средство против ноябрьской бесснежной темноты – спорт. Я продолжал посещать зал – таскал штанги и гантели три раза в неделю, что сказывалось на здоровье и внешнем виде. Сергей косился на мои медвежьи движения, а джинсовая куртка стала в обтяг. За год из выпивохи и куряги, ведущего клубный образ жизни, я преобразился в упитанного розовощекого здоровяка под центнер весом.

Вовка месяц как пребывал в отцовских радостях и заботах – Лера родила в октябре Ромку. Я был искренне рад за друга. Было приятно, что Вовка, наконец, после стольких мытарств обрел свой очаг. Об отношениях с женщинами я стал думать философски – недостаток одного, компенсируется другим. Так и было – наша фирма все набирала ход. Каждый месяц прибыль «премиями» оседала в наших карманах. Мое будущее выглядело просто и приятно – заработать за год на ремонт квартиры, сделать его, купить машину и на новом авто въехать в новую квартиру. Красота! Но мною все сильнее овладевала иная мысль – та самая, что явилась в мое сознание с сотнями видениями в болезненную ночь. И эта мысль давила зачатки мещанских мыслей. Я все сильнее ощущал, что то, что со мной происходит, не та деятельность и не то место, где я пуцу корни и начну обрастать покоем и семейным уютом. Меня настойчиво изнутри что-то толкало дальше. Ночами, засыпая, я снова и снова прокручивал эти всполохи в памяти, пытался понять их смысл, выстроить из фрагментов стройную законченную конструкцию, но удавалось частично. Я понимал, что смысл в них, но постичь его пока не мог. Я вновь доверился интуиции. И все мои мысли стали стекаться в одном направлении. Я чувствовал, что хочу расти как личность, не гася энергию в намечавшемся уюте. И потому стал думать о Москве. Мысль о переезде засела в голову прочно. Я крутил ее всячески. «Если достроить квартиру и продать без ремонта, то можно купить однушку на окраине Москвы. Блин... там же еще часть денег отца... ну, с ним договоримся, фирма же будет работать, доход будет... расплачусь с ним, да и все... а когда перееду, отец с Сергеем останутся и будут дальше работать – всем нормально, все при деле... свою долю оформлю на отца... не думаю, что Серый будет против... начинали же вместе... ему какая разница, я там или отец... ну, это так... на будущее...»

Днем в субботу 25 ноября я сидел в раздумьях на диване в своей комнате, когда в дверном проеме появился отец. Он замер там, опершись плечом о дверной косяк, держа руки в карманах спортивных штанов и внимательно уставившись на меня.

- Знаешь, я че думаю!?! – произнес я, решив поделиться с отцом мыслями.

- Не знаю... – произнес тот, вошел в комнату и сел в кресло. – Скажи...

- Я подумал, если мою квартиру продать... сейчас или когда достроится через год, то можно в Москве на окраине или сразу за МКАДом купить однокомнатную квартиру... там примерно одни деньги получаются... ну, может, придется еще немного добавить! Но, немного... – сказал я, распалившись сильнее мыслью о переезде.

Отец молчал. Его лицо будто окаменело, не двигался ни один мускул. Отец замер, упершись локтями в ближний ко мне подлокотник кресла, смотрел на меня немигающим взглядом и, наконец, произнес: «Но там же и моя часть денег...»

- Ну да! Они ж никуда и не деваются... Я заработаю и верну тебе долг, да и все...

- И какую сумму ты планируешь мне вернуть? – отец цепко схватил меня взглядом.

- Да я не знаю... – растерялся я и бессильно развел руками. – Ну... твои там триста... но, было подорожание... Я не знаю, как правильно определить сумму...

Щекотливый момент, который ранее озвучил Сергей, настал – момент определения размера моего долга отцу. Для моего мозга ситуация оказалась патовой. Если считать, что отец дал деньги в долг, то я должен был вернуть ему лишь исходную сумму. Если считать, что он на свои деньги, вложив их, купил часть квартиры, то мой долг надо было исчислять по текущей стоимости квадратного метра, тогда сумма долга становилась свыше пятисот пятидесяти тысяч рублей. В первом случае я обкрадывал отца, во втором – вешал на себя

ярмо повышенного долга. Не находя решения, моя мораль заискрилась от напряжения. Я понимал, что не должен навредить отцу, поэтому ущемить его не мог. Оставался второй, финансово худший для меня вариант – вернуть долг по текущей стоимости. Мое чувство справедливости завопило – несправедливо! Ведь я и отец не обговаривали условий по его деньгам – я лишь предложил купить квартиру, а он согласился. Но, если выбирать между ущербом отцу и финансовой нагрузкой на себя, я начинал склоняться ко второму. Ущерб отцу мне виделся в его использовании. Я же не использовал людей в принципе. Тем более отца, самого близкого наряду с матерью человека. Опять же, я понимал, что при доходах в фирме, почти удвоившуюся сумму долга, не напрягаясь, я выплачу за год. А то и быстрее. В моей голове все более-менее прояснилось, я понял, что выбора нет и смирился с этим.

- Но ведь квартира подорожала...? – вкрадчиво уточнил отец.

- Да, подорожала... – кивнул я.

- Значит, и моя доля подорожала...? – сделал отец следующий шаг.

- Ну... да... – произнес я и напрягся – задел тон отца. Я хорошо знал эту неспешную вкрадчивость интонации. Так гонят в угол жулика, обрезая ему углы в попытке обдурить.

- А раз так, то верни мне мою долю, а потом продавай квартиру и езжай, куда хочешь... – сказал отец и сцепил зубы, так, что заиграли желваки и похолодел взгляд. Так смотрят на врага. Меня обдало волной злобы и негатива, налетевшей от отца.

- погоди... ты хочешь сказать, что считаешь, что я могу продать квартиру и свалить в Москву с твоими деньгами??? – насторожился я и внимательно уставился на отца.

- Ну... – не отводя глаз, ушел тот от прямого ответа. – Ты деньги верни и все.

- Не... стоп... – мои подозрения лишь усилились. – Давай разберемся...

Отец молчал, я принялся докапываться до источника его слов.

- Я просто сижу и вслух при тебе размышляю... и все... – улыбнулся я, холодея по позвоночнику от нехороших догадок. – Ты что, серьезно считаешь, что я могу втихаря от тебя продать квартиру и своровать твои деньги?

Отец молчал, но продолжал смотреть на меня уже не так уверенно – твердость в его глазах подернулась растерянностью. Я припер отца к стенке.

- Если б я хотел это сделать, я бы не стал сейчас при тебе все это рассказывать... Я бы просто это сделал... Ты это понимаешь...? – закипая, продолжил наседавать я.

- Понимаю, - сухо ответил отец, продолжая держаться жестко. Его глаза светились холодом. Я вдруг почувствовал глубокую, скрытую ненависть отца. И это меня поразило. Давно копившаяся, она вышла наружу неудобно и вдруг.

- А зачем тогда ты мне такое говоришь? – я сглотнул, волнуясь и ощущая, как меня начало мелко трясти. – Зачем выкручиваешь ситуацию так, будто я хочу тебя обмануть? Ты что, правда считаешь, что я способен на такое? Забрать твои деньги и смыться?

Отец молчал, но черты его лица дрогнули нерешительностью. Я обозлился сильнее от того, что отец думал обо мне гнусно, и решил раз и навсегда выяснить вопрос до конца.

- Ты что, правда считаешь, что я способен тебя обмануть!? – произнес я громче.

Отец молчал. Он колебался в какой-то одному ему ведомой точке.

- Я тебя спрашиваю – ты считаешь, я способен на ЭТО!?!?!? – давил я.

- Да! Я так считаю! – парировал жестко отец и кашлянул, скрывая волнение.

Во мне что-то оборвалось. Я ошарашено застыл. Мой мозг пытался адаптироваться к новой реальности, в которой отец подозревал своего сына в потенциальном воровстве.

- Да как так!?? – недоуменно почти крикнул я. – Я же ничего не сделал! Как можно подозревать человека в том, чего он не сделал и даже не пытался сделать!??? С чего вдруг ты подумал такое!??? Я что, когда-нибудь у кого-нибудь что-то украл!??? Я у тебя когда-нибудь что-то украл!???

Отец молчал, лишь уперто смотрел на меня растерянным немигающим взглядом.

- Я спрашиваю – я у тебя когда-нибудь что-нибудь украл!??? – меня начало трясти сильнее. – Хоть что-нибудь!??? Хоть копейку!???

- Нет, - сглотнул громко отец.

- А раз – нет, то с чего ты решил, что я это сделаю!??? С чего!??? Ты мне скажи! Откуда это у тебя в голове вообще родилось такое!??? – трясло меня.

Отец молчал. Разрядившись разом эмоционально, я ощутил в себе стремительно разрастающуюся пустоту, безразличие и разочарование. К этим чувствам добавилась и брезгливость. Я ощутил, что случилось что-то гадкое и неприятное, что-то по-настоящему нехорошее. Меня бил озноб, внутри все рушилось.

- Как тебе такое в голову-то могло прийти? – устало выдавил из себя я, с растущим отвращением глядя в пустые отца. Взгляд его был будто неживой.

- Вот что... – собрался я с мыслями, тяжело выдохнул. – Раз ты так про меня думаешь, то я верну тебе долг по текущим ценам на квартиру... Я не смогу отдать его весь сразу, буду отдавать по мере возможности, пока не рассчитаюсь полностью. И все! Более никаких дел мы с тобой иметь не будем! Если ты считаешь, что я такое говно и способен обокрасть родного отца, то это твое право! Но это не так... Я тебе, что называется, положила руку на сердце, сейчас говорю – я никогда не замышлял подобное, и у меня даже близко в мыслях этого не было. Мне обидно слышать такое от отца. Я даже представить не мог, что ты можешь так про меня подумать. Я отдаю тебе долг, и мы расходимся, договорились?

- Договорились, - сухо выдавил из себя отец.

Я с секунду всматривался в его лицо, в надежде, что хоть где-то мелькнет толика сожаления о сказанном или чувство стыда, проявится невысказанное желание повернуть все вспять и взять свои слова обратно. Нет. Ничего. Лицо отца оставалось безжизненным и жестким. Я понял, что он не разочаровался в наговоре на меня. Отец мне не верил.

- Договорились, - хлопнул отец ладонью по подлокотнику кресла и встал в полный рост. – Ну, значит, я неправильно тебя понял.

«Ну, значит, я зря в тебя плюнул», - так я услышал фразу отца, произнесенную без извинения, раскаяния и сожаления. Я отвернулся к окну. Отец вышел.

Это обвинение отца и сопутствующий разговор явились для меня тем поворотным моментом, изменившим отношения меж нами навсегда. Возникшая трещина со временем лишь росла, повлияв на них самым коренным образом. В последующие дни о словах отца я думал много, почти круглосуточно – внутри меня все кипело и возмущалось. Я выгорел за месяц, более-менее успокоившись лишь к концу года. Спасала работа, сторонние мысли в рабочее время отходили на второй план, давая отдых моему самоедству. Я прокручивал свое поведение в отношении отца со всех сторон, будто под микроскопом, пытаясь узреть те признаки или поступки, из-за которых отец мог сложить обо мне такое мнение. Я не находил ничего. Нигде и никогда я не давал повода ему усомниться в моей честности. Да, мы часто спорили и даже ругались по разным вопросам. Но меж нами никогда не было ни единого разногласия по вопросам денег. До покупки квартиры всеми деньгами заведовал отец, я хранил свою половину денег на счету отца в банке и даже не думал о том, что над

ними висит хоть малейшая угроза. Отчего же отец решил, что теперь его деньгам что-то грозит? В конце концов, если он так опасался за них, то мог бы оформить на себя свою долю в покупке квартиры. Это было возможно. Почему отец не сделал так? Мы избежали бы столь ужасного выяснения отношений. Теперь уже ничего поправить было нельзя. Да все это глупости – поиск ответов на непонятные вопросы, самокопание и самобичевание. Спросить любого – мог бы твой отец назвать тебя будущим вором, без какого-либо факта их прошлого, лишь на основании домыслов? Многим даже вопрос не понравится. Связь отца и сына, сына и матери – две опоры, на которых держится будущее всего рода. Отец со свойственной ему жесткостью подрубил одну из них. Вторую уничтожала мать.

Последние дни ноября я провел в задумчивости. Каша мыслей и нервное состояние вновь вызвали боли в желудке, а от болей я нервничал сильнее. Восстановился замкнутый круг, который я попытался ослабить алкоголем, наведавшись в «Чистое небо». Делать там было нечего, и потому уже за час до полуночи я покинул клуб и пошел к гостинице. Сев в первую же маршрутку на единственное свободное место у двери спиной к водителю, я поехал домой. Красный сигнал светофора, стоим. Зеленый, тронулись. Миновали крупный перекресток и за ним притормозили перед остановкой. Та была занята – шедшие впереди маршрутки и автобусы еще не покинули ее. Стали ждать. Между тротуаром и «газелью», в которой ехал я, оказалось много места – легко поместилась бы еще одна, и она подъехала, норовя сунуться к остановке первой. Обе «газели», стоя почти вровень, моя чуть впереди на метр, замерли в ожидании свободного места. Я машинально повернул голову влево и бросил взгляд сквозь открытое окно двери в направлении маршрутки-конкурента. Взгляд сквозь такое же открытое окно проник в ее салон, упав на два ближних к окну сидения. На них с молодым человеком сидела Наташа. Девушка держала парня под руку, лицо ее было счастливо. Наташа сжимала его руку так, как бывает, когда парень нравится – с чувством. Мой и ее взгляд встретились. Я почти не ощутил укола самолюбия, лишь кивнул Наташе, та, растерявшись, кивнула мне. Моя «газель» тут же шмыгнула вперед первой, разведив наши взгляды. Мой мозг тут же зафиксировал номер задней маршрутки. «Едут тоже в мой район, значит, он живет рядом с ее торговой точкой, скорее всего, заходил туда положить деньги на счет или что-нибудь купить по мелочи... народу там проходит за день туча... там и познакомились... он ей понравился, стал заходить регулярно...» - прикинул я и не стал развивать мысль дальше, все было ясно как белый день. Я ухмыльнулся пониманию того, что в жизни все устроено намного проще, чем об этом думаешь. И в который раз, но уже осознанно я утвердился в мысли, что все, что ни делается – к лучшему.